

На правах рукописи

Семенов Олег Владимирович

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург - 2005

Работа выполнена на кафедре истории России исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент А.Т. Шашков

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, доктор искусствоведения,
профессор Н.П. Парфентьев

кандидат исторических наук,
доцент Е.В. Вершинин

Ведущая организация – Институт истории СО РАН

Защита диссертации состоится 23 декабря 2005 г. в 16.00. часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан 10 ноября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

В.А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современной отечественной и зарубежной историографии вопросы изучения административно-управленческих процессов являются ключевыми. В условиях коренных реформ и преобразований, когда возникла острая необходимость в переосмыслении событий не столь далекого прошлого, современное общество получило уникальную возможность прибегнуть к историческому опыту и избежать некогда уже допущенных ошибок. Помимо практической значимости, обращение к различным аспектам системы управления имеет и чисто научный интерес. Среди исследователей до сих пор не умолкают споры по вопросу о характере государственного строя России во второй половине XVI – XVII вв. Тема эта далеко не праздная, поскольку именно тогда во многом был предопределен ход последующего развития русской истории. При этом основная часть аргументов в пользу наличия (или отсутствия) в стране сословно-представительной монархии, времени и неизбежности (или случайности) ее смены самодержавием опирается на анализ государственной системы управления. Между тем, административный аппарат на местах изучен довольно слабо. Недостаток исследований по истории провинциального управления становится особенно очевидным при изучении Урала, сыгравшего огромную роль в деле обороны восточных границ государства от ударов воинственных соседей и последующем присоединении и освоении «закаменных» территорий. Край чаще всего рассматривали не самостоятельно, а в контексте изучения Поморья или Сибири. Что же касается работ, специально посвященных системе местного управления регионом, то они либо ограничиваются хронологически узкими рамками, либо освещают только отдельные стороны данной проблемы. Серьезных же попыток рассмотреть Урал в качестве единого целого (а не отдельно Зауралье или Приуралье), а тем более провести сравнительный анализ административно-управленческих структур и традиций между его частями не предпринималось.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение процесса зарождения, функционирования и эволюции системы местного (наместничьего, воеводского и мирского) управления на территории Урала во второй половине XV – первой половине XVII в.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) изучить механизм включения в состав Русского государства порубежных территорий (на примере Приуралья и Зауралья) и распространения на них московской системы управления;
- 2) определить структуру, функции, степень самостоятельности и ответственности системы местного управления в крае и изменение соотношения между его ветвями;
- 3) проследить процесс эволюции государственного аппарата в сторону самодержавия на

местном уровне;

4) произвести сравнительную характеристику системы управления в Перми Великой и в Зауралье.

Объект исследования – власть и общество в Московском государстве.

Предмет исследования – все уровни системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в.

Территориальные рамки исследования охватывают Верхнее Прикамье и Зауралье, которые в изучаемый период входили в состав Чердынского, Соликамского, Кайгородского, Верхотурского, Туринского и Пельмского уездов. Выбор именно данных территорий во многом обусловлен той огромной ролью, которую они сыграли в русской истории: Пермь Великая долгое время оставалась связующим звеном между отдельными частями Поморья и выполняла функцию по обороне восточных рубежей Московского государства. Впоследствии она стала базой для присоединения и (вместе с Зауральем) последующей колонизации Сибири. К тому же, несмотря на то, что Кайгородок, Чердынь и Соликамск относились к районам Поморья, а Верхотурье, Туринск и Пелым считались сибирскими городами, на протяжении XVI – XVII столетий они сохраняли известную обособленность от остальных территорий. Так, все три приуральских уезда входили в состав Перми Великой, управление которой до 1613 г. сосредотачивалось в руках общей администрации. Даже после появления в каждом из городов края самостоятельных воевод Чердынь продолжала считаться главной, а Соликамск и Кайгородок так и не избавились от статуса «пригородков». В источниках XVII в. население Верхнего Прикамья нередко фигурировало под общим названием «пермичи», «пермские люди». К тому же с 1636 г. Чердынь и Соликамск были вновь объединены под управлением единого воеводы. Сохраняли определенную обособленность от остальной Сибири и территории Зауралья. Не случайно созданный в 1687 г. Верхотурский разряд, пусть и на короткое время, состоял из Верхотурского, Туринского и Пельмского уездов. В диссертации специально не рассматриваются владения Строгановых, которые фигурируют лишь в контексте рассматриваемой проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XV до середины XVII в. Нижняя граница обусловлена временем начала присоединения Перми Великой к Московскому государству, верхняя – оформлением качественно нового этапа в отечественной истории, связанного с дальнейшим укреплением самодержавия. Внутри изучаемого периода целесообразно выделить следующие этапы: 1) вторая половина XV в. – 1580-е гг. (складывание предпосылок вхождения Верхнего Прикамья в состав Московии (вторая половина XV в.), утверждение и функционирование в крае русских административных порядков в виде системы наместнического управления (начало XVI в. – 1580-е гг.)); 2) конец XVI в. –

1612 г. (присоединение Сибири и оформление на территории Приуралья и Зауралья воеводской системы управления, временное равновесие между приказным и земским началом); 3) 1613 г. – середина XVII в. (дальнейшее укрепление системы воеводского управления, все более отчетливая тенденция подавления мирской автономии и превращения органов местного самоуправления в низовое звено госаппарата).

Методологической основой исследования является системный подход. Он позволяет интерпретировать местное управление в качестве единого организма, сложноорганизованной системы. При всех трудностях, связанных с категориальным определением системы, необходимо отталкиваться от ее общепризнанного эмпирического понимания как упорядоченного множества взаимосвязанных элементов, обладающего структурой, определенным поведением, автономностью этого поведения и его целенаправленностью. Системный подход в изучении взаимоотношений между властью и обществом, претерпевавших существенные изменения в ходе эволюции системы местного управления, позволяет проводить описание элементов не «как таковых», но с учетом их «места» в системе, а также выдвинуть новые принципы подхода к изучаемому явлению. Последние заключаются в стремлении рассмотреть все структурообразующие элементы системы местного управления в Приуралье и Зауралье как определенную единую целостность, находящуюся в динамике и развитии. К тому же в системном исследовании один и тот же «материал» выступает как обладающий одновременно разными характеристиками и функциями. Отсюда вытекает иерархичность строения системы, где все уровни иерархии «выполнены» из одного материала. Вот почему система местного управления на Урале представлена в качестве составной части общегосударственной, а последняя – как неотъемлемая часть власти и общества в целом.

Методика изучения включает основные принципы и методы исторического исследования. Это прежде всего принцип историзма, позволяющий оценивать исторические факты и явления в движении и взаимосвязи, учитывать специфику событий и процессов, не допуская их модернизации, а также научная объективность, которая обеспечивает всестороннюю оценку вопросов становления и эволюции системы местного управления на Урале. В работе применялись следующие методы: ретроспективный, сравнительный, типологический, генетический, антропологический.

Степень изученности проблемы. Начало изучения системы местного управления в отечественной историографии было положено Г.Ф. Миллером. Вследствие утраты значительной части документов, его труды до сих пор остаются неоценимым пособием по истории Урала и Сибири. Впрочем, сами по себе вопросы управления затрагивались Миллером попутно. В частности, он уделил внимание проблеме взаимоотношений русской администрации и аборигенного населения, обозначил территориальные границы сибирских уездов, полномочия вое-

вод края и специфику их деятельности.

Известный собиратель древностей В.Н. Берх впервые опубликовал выдержки из писцовых книг XVI – XVII вв. Он также выдвинул обоснованное предположение о том, что уставную грамоту пермичи получили сразу же после включения края в состав Московского государства в 1505 г.

Объектом самостоятельного изучения система местного управления XV – XVII вв. стала лишь во второй половине XIX в. Во многом это было обусловлено разработкой и реализацией земской и городской реформ. Задача ученых существенно облегчалась благодаря расширившемуся кругу опубликованных источников. Особое место в историографии заняли работы представителей государственной школы. Так, Б.Н. Чичерин, основываясь исключительно на опубликованных материалах, изучил воеводское (и отчасти наместническое) управление, деятельность губных старост, различные виды «верных» служб. Несмотря на то, что его работа охватывает территорию всей России, она построена на проведении параллелей между административной системой ее отдельных частей. И.А. Андреевский попытался проследить эволюцию и установить преемственность между различными этапами местного управления на протяжении нескольких столетий. Им, в частности, была определена сущность кормленческой системы и дана классификация функций наместников. Н.П. Загоскин дал исчерпывающую для своего времени характеристику известных уставных грамот (в том числе Великопермской): установил причины их появления, разобрал структуру, провел сравнение отдельных статей между собой.

В последние десятилетия XIX в. изучение системы местного управления приобрело региональный характер. Так, В.Н. Шишонко попытался дать связное изложение всей истории Верхнего Прикамья. Несмотря на многочисленные ошибки его работа ценна содержащимися здесь источниками, некоторые из которых были впервые введены в научный оборот. Исследования А.А. Дмитриева затрагивают вопрос о включении Перми Великой и Зауралья в состав России, рассматривают проблему взаимоотношений между властью и обществом. Особенно ценными являются опубликованные ученым источники, а также составленный им хронологический перечень великопермских воевод. К сожалению, сама по себе система местного управления зачастую затрагивалась им попутно, в контексте изучения других проблем, а некоторые выводы устарели. Труды П.Н. Будицкого являются первым после работ Г.Ф. Миллера выполненным на высоком научном уровне исследованием по истории Сибири конца XVI – первой половины XVII в. Тема местного управления хотя и не стала объектом его специального изучения, однако была затронута ученым довольно широко. Опираясь на архивный материал, автор коснулся проблемы становления воеводской власти в крае, очертив (хотя и бегло) полномочия и функции приказной администрации. Отдельное внимание он обратил на взаимоот-

ношения властей с русским и инородческим населением. А.Д. Градовский рассмотрел вопросы административного деления, определил смысл кормленческой системы, заключавшийся в ее «служебном» характере, проследил правительственную политику по ограничению власти наместников и волостелей. Вслед за Б.Н. Чичериным историк специально обратился к характеристике приказного управления: разобрал общие принципы, на которых оно строилось, затронул проблему воеводских наказов. К сожалению, в центре его внимания оставалась не территория Урала, а уезды всего Московского государства. «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» Н.Н. Оглоблина до сих пор остается непревзойденным описанием сибирских архивных материалов, в котором дан анализ источников и сделаны очень важные наблюдения по истории управления краем. Немалый вклад исследователь также внес в изучение вопроса о происхождении подьячих съезжих изб и их роли в местной жизни. Впрочем, цельной картины управления краем ученый так и не создал. Определенный интерес представляет составленный А.П. Барсуковым хронологический перечень должностных лиц воеводской администрации всех городов России. Справочник, впрочем, имеет серьезные недостатки: исследователем задействованы только опубликованные (да и то не все) материалы, допущены досадные ошибки.

В начале XX в. произошел настоящий бум в деле публикации источникового материала. Все это не могло не способствовать дальнейшему изучению системы местного управления. Фундаментальная работа М.М. Богословского посвящена деятельности органов местного самоуправления в Поморье в XVII в. В ней были рассмотрены состав, структура, хозяйственные, правовые, судебные, идеологические функции мирской организации края, проанализированы ее взаимоотношения с приказными властями. Исследователь теоретически обосновал понятие сословно-представительной монархии, назвав Московское государство середины XVI – первой половины XVII в. самодержавно-земским, тогда как во время царствования Алексея Михайловича в стране установился самодержавно-бюрократический строй. Огромную роль в данном процессе сыграли воеводы, реализация которыми своих полномочий носила (за исключением вопросов финансовых) вполне самостоятельный характер. К сожалению, территории Приуралья затрагивались им попутно и выборочно, в контексте изучения всего Русского Севера. Определенный вклад в проблему изучения истории местного управления внесли историко-правовые труды М.Ф. Владимирского-Буданова (рассмотрены судебные прерогативы наместников и воевод), а также работы А.А. Кизеветтера.

Таким образом, дореволюционная историография внесла ощутимый вклад в изучение проблемы местного управления России XV – XVII вв. Однако специальных работ, посвященных Уралу (или хотя бы отдельно какой-либо из его частей), так и не появилось. Имевшиеся же исследования рассматривали систему провинциального управления либо всей России, либо

отдельно Поморья или Сибири. Те из авторов, которые все же специально касались Уральского региона, обращались к данному вопросу в контексте изучения общих сюжетов, а многие выводы, к которым они пришли, кажутся на сегодняшний день устаревшими.

После событий 1917 г. система местного управления XV – XVII вв. надолго перестала быть темой самостоятельного исследования, поскольку основное внимание историков оказалось прикованным к изучению «истории трудящихся» и классовой борьбе, в контексте которых показывались лишь административно-фискальная деятельность администрации и ее злоупотребления. Общая направленность работ 20-х – 30-х гг. XX в. состояла в обличении царского деспотизма, негативном отношении к представителям центральной и местной властей, идее насильственного присоединения Сибири и представлении о системе действовавшего в ней воеводского управления как о типично колониальном аппарате. Отчасти такая позиция (впрочем, продиктованная не идеологическими соображениями, а анализом источников) проявилась в чрезвычайно разнообразных по тематике трудах С.В. Бахрушина. Опираясь на богатый архивный материал, исследователь всесторонне охарактеризовал систему управления зауральскими территориями: показал деятельность Сибирского приказа, изучил полномочия воевод и выявил соотношение между разрядным и уездными центрами. На конкретных примерах ученый разобрал «прибыльную» деятельность сибирских администраторов. Впервые в советской историографии им было обращено внимание на проблему взаимоотношений светских и духовных властей, а также государства и аборигенов.

С конца 1930-х гг. наместились серьезные перемены в области изучения управления в позднесредневековой России, что, в первую очередь, было связано с расширением источниковой базы и выходом в свет новых сборников документов. Так, С.Б. Веселовский сделал ценные наблюдения о сущности кормленческой системы, эволюции, причинах ее отмены. Им же был составлен словарь-справочник московских дьяков и подьячих как центральных, так и местных учреждений. П.А. Садилов напрямую не касался системы провинциального управления. Однако большую ценность представляют его исследования «четей» и «кормленых дьяков». В трудах В.И. Шункова, посвященных крестьянской колонизации и русскому земледелию Сибири, вопросы местного управления затрагивались попутно. Ученый изучил взаимоотношения между приказчиками и населением слобод, придя к выводу об абсолютной подчиненности общинников государству. Р.М. Кабо рассмотрел проблему реализации сибирскими воеводами военных и градостроительных функций, справедливо отметив тот факт, что они являлись основными на начальном этапе колонизации края.

С конца 50-х гг. XX в. началась очередная волна интереса к изучению системы управления XV – XVII вв. Во многом она была обусловлена ослаблением идеологического диктата в стране и дальнейшим расширением источниковой базы. Способствовала обращению к данной

теме и развернувшаяся на рубеже 40-х – 50-х гг. XX в. на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия о периодизации отечественной истории. Острая полемика по вопросу о наличии (или отсутствии) в России сословно-представительной монархии показала явный недостаток фундаментальных исследований. Уже вскоре этот пробел был заполнен выходом в свет работ, посвященных истории и деятельности земских соборов, составу и функциям приказного аппарата и Боярской думы. Что касается системы местного управления, то интерес к ней оставался более скромным и касался лишь отдельных аспектов данной проблемы. Так, Н.Е. Носов положил начало обстоятельному анализу процесса формирования местных органов государства в первой половине XVI в. Он показал процесс складывания и функционирования института городских приказчиков, рассмотрел проблему становления губных и земских учреждений. Несмотря на то, что наместники остались у него на втором плане, а земли Перми Великой он вообще не затронул, автор отметил историческую закономерность ликвидации кормленщиков и одним из первых всерьез заинтересовался их социальным обликом, отказавшись от традиционного противопоставления боярства дворянству. А.А. Зимин положил начало новому подходу в исследовании системы местного управления второй половины XV – первой половины XVI в. – через призму персонального состава провинциальной администрации, составив список всех известных ему наместников. А.А. Введенский посвятил свои изыскания фамилии Строгановых. Попутно, хотя и довольно фрагментарно, им была затронута и проблема их взаимоотношений с великопермскими наместниками и воеводами. Б.Н. Флоря обнаружил новые источники (монастырские обиходники и приходо-расходные книги), которые проливали дополнительный свет на формы обеспечения администрации XV – XVI вв. Огромная заслуга исследователя состоит также в том, что он первым обратился к загадочной фигуре праведчика. Исследования С.М. Каштанова не затрагивали территории Урала. Однако его выводы значимы для изучения вопроса о процессе централизации системы управления на местном уровне. Ученый обратил особое внимание на институт иммунитета, показав его неоднозначность и эволюцию на протяжении первой половины XVI в. А.А. Преображенский специально не занимался изучением системы местного управления. Тем не менее, в его работах, посвященных социально-экономической истории Урала, нередко поднималась проблема взаимоотношений государства и общества. Изучив ход колонизации региона, ученый показал, что ее основу составляли черносошные крестьяне Поморья, а главной формой переселения было не бегство, а легальный отход с разрешения «миров». Краткий очерк А.Н. Копылова по истории органов центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI – XVII вв. не внес ничего нового (кроме, разве что, фактического материала). В нем отразились характерные для всей предшествующей советской историографии взгляды, рисующие администраторов всеильными деспотами и подчеркивающие слабость и несамостоятельность «миров». В.И. Ко-

рецкий затронул один из наименее изученных периодов воеводского управления Сибири – годы Смуты. Он дал анализ чрезвычайных полномочий приказных властей, рассмотрел правительственную политику, направленную на заведение в крае «государевой пашни». Впрочем, специально на роли воевод как проводников этих мероприятий автор не останавливался. Неоценимая заслуга в деле изучения чиновничьего состава местных и центральных правительственных учреждений принадлежит Н.Ф. Демидовой и Г.А. Леонтьевой. Исследования первой уже давно стали классикой. В них рассматривались процессы формирования приказных кадров, принципы работы уездной бюрократии, складывание местных подьяческих фамилий, трансформация «служилых чинов» в «служебные должности». Г.А. Леонтьева впервые подробно изучила организацию приказного делопроизводства в Сибири и профессиональную подготовку провинциальных подьячих. Работы А.А. Кондрашенкова были посвящены истории крестьянской колонизации Зауралья, а также фигуре слободчика. Исследователь установил границы компетенции данных должностных лиц, изучил биографии некоторых из них, проследил тенденцию их постепенной замены приказчиками, справедливо связав ее со становлением самодержавия в стране. К сожалению, ученый занимался второй половиной XVII в., тогда как слободчики раннего времени фактически выпали из его поля зрения. Вопросы колонизации и освоения Урала, а также присоединения Верхнего Прикамья к России и формирования на его территории московских органов власти оказались в центре внимания В.А. Оборина. Тем не менее, собственно системе управления края в XVI в. он уделил явно недостаточное внимание. Неоднозначны и некоторые из сделанных им выводов. Усилиями В.И. Сергеева была изучена правительственная политика накануне и в период основания первых русских городов в Сибири. Большая заслуга в изучении мирской организации тяглого и служилого населения Сибири, а отчасти и Приуралья принадлежит В.А. Александрову. Ученый доказал факт появления общины уже у первого поколения переселенцев, дал ее типологию, попытался определить структуру и функции. Не обошел он вниманием и проблему взаимоотношений власти и общества, проанализировав причины, ход и последствия вооруженного выступления кайгородцев в 1635 г. И.П. Ермолаев проследил процесс складывания воеводской власти в Среднем Поволжье, изучив ее структуру, организацию, функции, взаимоотношение с центральными ведомствами, что помогает установить типологические особенности развития приказного аппарата в Приуралье и Сибири. В трудах А.И. Копанева подробно исследована поморская община-волость XVI – XVII вв.: дана характеристика ее землевладения, проанализированы состав, функции и структура. Однако ученый не уделил отдельного внимания Приуралью, как и не ставил перед собой цели рассмотреть систему воеводской власти. Изыскания Н.И. Никитина затрагивали проблему взаимоотношений сибирских служилых людей с воеводской властью. Общий вывод автора заключался в том, что на протяжении всего XVII в.

«войско» сохраняло значительные вольности, с которыми правительство вынуждено было считаться.

Таким образом, советской историографией был внесен, серьезный, но явно недостаточный вклад в дело изучения системы местного управления России XV – XVII вв. Зачастую она затрагивалась попутно, в контексте более широких изысканий. Были рассмотрены только отдельные стороны проблемы, однако фундаментальных работ, непосредственно посвященных местному управлению Урала, так и не появилось. Остались неразрешенными и многие вопросы.

С конца 80-х гг. XX в. по стране прокатилась череда бесконечных ломок и преобразований. Существенное расширение источниковой базы, стремление объяснить происходившие перемены, извлечь ценный опыт для современных реформ, а также рост интереса к «дворянской» и демократической проблематике, породили небывалое внимание к истории местного управления. При этом до сих пор доминирующей остается региональная историография. Совместные работы В.А. Александрова и Н.Н. Покровского стали первым со времен М.М. Богословского исследованием о роли и месте местного самоуправления в политической системе России XVII в. На материалах Сибири ученые опровергли сложившийся стереотип об абсолютной несамостоятельности мирских организаций, и по-новому поставили проблему сословно-представительной монархии, подвергнув критике общепринятую концепцию, сводившую сущность вопроса к участию представителей сословий в высших органах власти. Вдобавок, отдельные исследования Н.Н. Покровского позволили проследить постепенную бюрократизацию системы местного управления в Сибири и пролили дополнительный свет на феномен «отказа». На примере же томских событий 1648 – 1649 гг. ученый показал то, что активные формы сопротивления вытекали из традиционных представлений «миров» об обязанности истинного государя править в союзе с «землей». К сожалению, в исследованиях В.А. Александрова и Н.Н. Покровского все же недостаточно освещены вопросы компетенции воеводских властей и слабо затронут аппарат, при помощи которого администраторы ее реализовывали.

Существенный вклад в дело изучения системы приказного управления Сибири и Зауралья внес Е.В. Вершинин. Он уделил внимание вопросам назначения на воеводство и подчеркнул существенное отличие нового аппарата от наместников. Им был составлен хронологический перечень высшей приказной администрации всех сибирских городов, дан подробный анализ воеводских наказов и «прибыльных дел». Автор проявил интерес и к Приуралью: затронул вопрос о времени вхождения Перми Великой в состав Московского государства, рассмотрел наместническое управление и первым подробно остановился на проблеме его ликвидации. Исследователем была также намечена общая тенденция эволюции системы управления в Верхнем Прикамье после Смуты.

Л.В. Данилова детально изучила структуру и функции сельской общины Поморья (к сожалению, без выделения Приуралья), показала ее существенную роль в местном управлении краем. А.П. Павлов остановился (впрочем, применительно к России вообще) на проблеме возникновения системы воеводского управления, обосновав тот факт, что ее становление и утверждение было процессом эволюционным, обусловленным всем ходом социально-экономического развития страны. Работы Е.Н. Швейковской посвящены различным аспектам взаимоотношений государства и мирских организаций Поморья. Она изучила правосознание крестьянства и показала сосуществование в его среде официального законодательства и обычно-правовых норм, рассмотрела проблему интеграции общинного самоуправления в систему государственной власти, выявила сферы их взаимодействия и компетенцию. Исследовательница сумела также установить состав и структуру воеводской дворни, показав ее взаимоотношения с населением и между собой. Основные выводы автора вполне применимы и к землям Верхнего Прикамья. Монография Ю.Г. Алексева «Судебник Ивана III. Традиция и реформа» дает ценный материал по вопросам, относящимся к системе местного управления первой половины XVI в. Впрочем, отдельного внимания Перми Великой автор не уделил. Г.Н. Чагин изучал систему управления Перми Великой в XV – XVI вв. Однако суждения автора укладываются в традиционную для большинства пермских историков схему и в основном только обобщают накопленный ранее материал. Благодаря Т.И. Пашковой впервые за долгое время был подвергнут детальному изучению институт наместников и волостелей. Исследовательница рассмотрела биографии администраторов, их полномочия и социальное происхождение, связав отмену кормленщиков со становлением единого Русского государства. К сожалению, при всей своей новизне, в работе немало спорных суждений, а то и откровенных ошибок, фактически не рассмотрены тиуны, доводчики и праведчики. Я.Г. Солодкин уделил внимание мотивам назначения «начальных людей» в Сибирь, определению их сословного статуса и влиянию зауральской службы на последующую карьеру служилого человека. Им были исследованы письменные головы, прослежены биографии первых пельмских воевод, уточнена хронология их правления. Отдельные вопросы о принципах назначения на должность сибирских воевод находились в центре внимания С.К. Ишмулкина и К.В. Петрова. По-новому взглянул на характер обеспечения должностных лиц местного управления в XVII в. Г.П. Енин. Ученый показал наличие принципиально схожих черт между наместниками и воеводами, заключавшихся в официально узаконенном праве кормления, использовании ими в выполнении своих должностных функций дворовых людей и особом отношении служилых к возложенным обязанностям (стремление «покориться»). Через всю монографию исследователя красной нитью проходит тема непомерных воеводских злоупотреблений, с которыми правительство боролось только в крайних случаях, рассматривая их как неизбежное зло. К сожалению, работа по-

строена лишь на материалах Европейской России и без учета специфики Приуралья. Е.М. Главацкая изучала коренное население края, затронув только одну из сторон системы местного управления – взаимоотношения инородцев с государством, а Н.Н. Симачкова специально остановилась на проблеме становления воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII в. Впрочем, работы последней, хотя и содержат новый фактический материал, в действительности мало что дают ценного, поскольку зачастую лишь повторяют общеизвестные выводы. С.В. Стрельников внес дополнительные сведения о слабо изученной фигуре праведчика. Работы А.В. Антонова посвящены анализу сохранившихся кормленых грамот, а также некоторым другим аспектам местного управления XV – XVI вв. Интересны исследования Е.А. Курлаева и И.Л. Маньковой, посвященные одной из важнейших сторон деятельности царской администрации – поиску и разработке месторождений полезных ископаемых. Судьба посадского самоуправления в XVII в. (впрочем, только на примере городов Европейской России) прослежена М.Б. Булгаковым. Исследователь показал его постепенную трансформацию в низовое звено госаппарата, что выражалось в бюрократизации и олигархизации мирских структур и усилении правительственного контроля над внутренней жизнью общины.

С целью выявления типологических особенностей становления и эволюции системы местного управления на Урале в XVI – первой половине XVII вв. и ее сравнительной характеристики также целесообразно привлечь исследования В.Н. Глазьева и К.И. Кузина (юг России), Е.А. Колесниковой (центральный регион), Н.В. Соколовой (Заузольская волость), П.В. Чеченкова (Нижегородский край), В.В. Низова и А.В. Эмаусского (Вятка).

Таким образом, несмотря на весомый вклад отечественных исследователей, сумевших выделить общие принципы правительственной политики по усилению своего контроля над кормленщиками, указавших на особенности воеводской администрации и подчеркнувших постепенное изменение взаимоотношений между властью и обществом, система управления на Урале в XV – XVII вв. остается слабо изученной. Край чаще всего рассматривался не как единое целое, а в контексте изучения Поморья или Сибири. Фактически не проводилось сравнения между его восточной и западной частями. Даже те работы, которые были посвящены Перми Великой или Зауралью, ограничивались узкими хронологическими рамками, а то и затрагивали только одну из сторон местного управления.

Источниковая база исследования состоит из разнообразных документальных комплексов и повествовательных памятников.

К роду документальных источников принадлежат:

- а) законодательные материалы (центральных светских и духовных властей, в т.ч. Судебники, уставные грамоты и т.д., именные указы и указы воеводам);
- б) документы местного делопроизводства (воеводские памяти, указы, отчеты, отписки в

приказ, деловая переписка должностных лиц различных уровней). Законодательные материалы и документы местного делопроизводства позволяют изучить организацию, структуру и функционирование системы провинциального управления на Урале, порядок назначения и смены администрации, а также мероприятия правительства по усилению своего контроля над должностными лицами. В частности, царские грамоты и указы дают представление о различных аспектах деятельности воевод и их «товарищей», а ответные отписки показывают степень полноты реализации предписаний центра. Официальная переписка между городами вскрывает характер взаимоотношений уездных и разрядных властей, размеры их компетенции;

в) документация органов земского самоуправления (приходо-расходные, разметные книги, «выборы» и т.д.). Приходо-расходные книги «миров» дают возможность изучить характер взаимоотношений между населением и государственной властью, рассмотреть формы обеспечения должностных лиц местной администрации. Материалы же «выборов» содержат сведения как о конкретной службе и особенностях ее исполнения, так и о различных сторонах мирского самоуправления;

г) историко-статистические материалы (писцовые, переписные, дозорные, таможенные, ясачные книги и т.д.). Они дают представление о количестве, занятиях и происхождении русского и аборигенного населения края, основных статьях дохода казны, содержат сведения о торгово-таможенных, ясачных и фискальных функциях должностных лиц приказной администрации;

д) документы учета служилых людей (разрядные книги и боярские списки). Разрядные записи содержат данные об основании зауральских городов и отправке на службу наместников и воевод, а составлявшиеся ежегодно боярские списки позволяют проследить состав и структуру Государева двора, карьеру и положение (чин) в нем служилого человека;

е) частные актовые материалы (челобитные, «сказки», поручные и т.д.). Челобитные являются материалом частного происхождения, содержащим богатые бытовые подробности, которых нет в официальных документах: они рисуют нужды тягловцев, проливают свет на приказные злоупотребления, показывают степень политической активности населения;

ж) поземельные акты (купчие, вкладные, меновные и т.д.);

Указанные документы содержатся как в опубликованных сборниках, так и в архивохранилищах (РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги), 141 (Приказные дела старых лет), 159 (Приказные дела новой разборки), 214 (Сибирский приказ), 365 (Дела Строгановых), 1111 (Верхотурская приказная изба); Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28 (Верхотурская приказная изба), 122 (Соликамские акты), 125 (Дела Строгановых); ГГИАМЗ, КП 12700.).

В круг наиболее значительных нарративных источников входят:

а) летописи. Так, Вычегодско-Вымская летопись содержит важные сведения о статусе Великопермских князей, а Устюжская сообщает о времени введения в крае института великокняжеских наместников. Большое значение имеют сибирские летописи (Есиповская, Погодинский летописец, Сибирский летописный свод), в которых находятся сведения об административно-территориальной системе «за Камнем», дается (впрочем, далеко не полный) перечень лиц воеводской администрации. Определенный интерес представляют опубликованные В.Н. Берхом и А.А. Дмитриевым Соликамские летописи. Несмотря на свое позднее происхождение и многочисленные ошибки, они содержат уникальные подробности по истории Перми Великой, ее административно-территориальной структуре, местном аппарате власти;

б) записки иностранцев. Особое место занимает здесь произведение австрийского дипломата С. Гербештейна, а также отрывочные свидетельства ряда других авторов;

в) сочинение Г. Котошихина. Оно особенно ценно для изучения системы приказного управления XVII в., поскольку затрагивает вопросы судебной компетенции воевод и форм их обеспечения;

В целом используемый в диссертации круг источников и литературы позволяет решить поставленные задачи и всесторонне рассмотреть историю формирования и развития системы провинциального управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в.

Научная новизна исследования заключается в том, что система местного управления Урала второй половины XV – первой половины XVII в. впервые стала предметом комплексного исследования. На основе широкого круга опубликованных и архивных источников (в том числе впервые введенных в научный оборот) были освещены многие неизученные (или слабо изученные) вопросы: выяснена структура и функции приказных и земских органов Приуралья, показано их соотношение между собой, рассмотрено административно-территориальное устройство края. Кроме того, удалось составить наиболее полный и точный список уральских наместников и воевод. Что касается системы местного управления в Зауралье, то в трудах отечественных сибиреведов она изучена несколько лучше. Тем не менее, и здесь удалось осветить ряд недостаточно исследованных проблем: подробно проанализированы взаимоотношения между разрядными и уездными центрами, выяснена степень самостоятельности их действий и дан ответ на довольно дискуссионный вопрос об усилении власти местной администрации на протяжении XVII в. На основе полученных выводов впервые было осуществлено детальное сравнение системы местного управления в Приуралье и Зауралье, прослежено постепенное изменение соотношения между земским и приказным началом, формирование самодержавных порядков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в научных исследованиях по истории России второй половины XV – пер-

вой половины XVII в., а также в преподавании общих и специальных курсов по отечественной истории.

Апробация работы. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, отражены в публикациях автора и в выступлениях на XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2003 г.), Восьмых Романовских чтениях (Екатеринбург, 2003 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Мининские чтения» (Нижний Новгород, 2004 г.). Результаты исследования использованы при подготовке и чтении учебного курса («Система управления на Урале XV – XVII вв.»). Текст диссертации был обсужден и одобрен на заседании кафедры истории России УрГУ.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав (разделенных на параграфы), заключения, приложений, списка источников и литературы, списка принятых сокращений. Исходя из задач исследования, диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы исследования, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, характеризуется методологическая основа, освещается историография и проводится анализ источников, раскрываются научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе – «Становление и развитие системы местного управления в Верхнем Прикамье (вторая половина XV в. – 1580-е гг.)» – рассмотрены процессы интеграции Перми Великой в состав Московского государства, формирования на ее территории русской административно-управленческой системы, показаны мероприятия, направленные на усиление правительственного контроля над провинциальными властями.

Первый параграф «Вхождение Перми Великой в состав Московского государства» затрагивает вопросы присоединения Верхнего Прикамья к великокняжеским владениям и оформления необходимых предпосылок для введения на ее территории нового управленческого аппарата. Несмотря на наличие региональных особенностей, включение Перми Великой в состав Московского государства проходило по общему для большинства северо-восточных территорий плану и осуществлялось в два этапа: 1) система вассалитета; 2) окончательное присоединение края. По мнению ряда исследователей (Л.Д. Макаров, В.В. Мухин, В.А. Оборин и т.д.), включение Верхнего Прикамья в состав Московии произошло в 1451 г., когда сюда был назначен наместником представитель Верейского удельного дома Михаил Ермолич. На самом деле, в середине XV в. для этого не имелось ни внутренних, ни внешних условий. В

Перми Великой отсутствовали как сколько-нибудь значительное русское население, так и разветвленная сеть московских опорных пунктов, оставалось минимальным влияние Православной церкви, да и с чисто формальной точки зрения данная территория принадлежала Новгороду. В самом Русском государстве еще не закончилась гражданская война, вдобавок к которой в 1451 г. произошло опустошительное вторжение царевича Мазовши. Правильнее говорить лишь о начале присоединения края к Московской Руси.

В 1450-е – 1460-е гг. зависимость Перми Великой во многом оставалась чисто формальной. Краем управляла местная коми-пермяцкая знать, которая хотя и выставляла по требованию великого князя вооруженные отряды и, по всей видимости, выплачивала собираемую ею же дань, однако чувствовала себя довольно вольготно, пытаясь проводить свою внутреннюю и внешнюю политику. Только после устранения новгородской угрозы Иван III решился наказать непокорных вассалов. Карательный поход русских войск 1472 г. значительно усилил позиции Московского государства в регионе. Именно после него наблюдалось активное формирование основы будущей системы управления (в виде наместничества) и административно-территориального деления – уездного (наличие Нижней и Верхней земель) и волостного (погосты).

Осторожная и довольно продуманная политика Москвы привела к тому, что к началу XVI в. созрели все необходимые условия для окончательного включения Верхнего Прикамья в состав Московской Руси: в крае проживало значительное славянское население, коми-пермяки подверглись серьезному воздействию со стороны Православия и славянской культуры. Это, а также внешнеполитические реалии (разрыв русско-казанских отношений) привели к тому, что в 1505 г. в регионе была введена московская (наместническая) система управления.

Второй параграф «Система местного управления Перми Великой в 1505 – 1580-е гг.» посвящен вопросам интеграции региона в новый государственный организм, оформлению нового административно-территориального устройства и системы наместнического управления, а также их последующей эволюции. На протяжении XVI в. происходила относительно безболезненная адаптация Перми Великой к политической структуре Московской Руси. При этом в регионе не было создано каких-то особенных колониальных форм и административных органов, отличных от остальной территории государства. Правительство в силу военно-стратегического положения отводило Верхнему Прикамью большую роль в своих политических планах. Вот почему значение системы наместнического управления оставалось здесь весьма существенным: компетенция провинциальных администраторов (некоторые из которых происходили из верхних слоев Государева двора) простиралась на все области местной жизни. В их руках сосредотачивалась вся полнота судебной и военной власти (ввиду отсутствия губных старост и городских приказчиков), дипломатические полномочия, они получали

кормление с правом боярского суда и, вероятно, «правдой». Могущество наместников подпитывалось серьезной экономической базой, основанной на многочисленных «кормах», пошлинах и дополнительных источниках доходов.

Конечно, нельзя согласиться с общепринятым мнением о том, будто реализация наместниками управленческих полномочий была не обязательной и осуществлялась постольку, поскольку сулила поступления в виде пошлин. В действительности, за выполнение некоторых функций (по крайней мере, военных и судебных) администратор отвечал своим имуществом и головой. Можно также предположить и наличие определенной процедуры отчетности при сдаче дел по окончании срока службы. В то же время система наместнического управления Перми Великой имела серьезные недостатки, характерные и для остальных территорий государства: слишком широкие и недостаточно определенные полномочия кормленщиков, которые, порою, пренебрежительно относились к своим обязанностям, несовершенство механизма подбора кадров (основу их постоянного аппарата составляли лично зависимые люди) со временем стали препятствием на пути дальнейшей государственной централизации и подтолкнули правительство к поиску мер, призванных ограничить власть наместников и усилить контроль над ними. Отсюда – выдача населению уставных жалованных грамот, а наместникам доходных списков, присутствие на суде кормленщика «судных мужей», отправка на места агентов центра (недельщиков, обыщиков и т.д.), функционирование системы иммунитета (церковь и Строгановы). Имели свои пределы и чрезвычайные полномочия администраторов, поскольку в крае отсутствовала сколько-нибудь значительная карательная сила, а основу войска составляло ополчение. Это, безусловно, усиливало голос и значение мирских организаций.

Правительственная политика по усилению своего контроля над местной администрацией нашла свое логическое завершение в земской реформе середины XVI в., от проведения которой в наибольшем выигрыше оказалось государство, избавившее себя от обременительных расходов на содержание местного аппарата власти, получившее дополнительные поступления в казну (в форме кормленного «окупа») и поставившее финансовую деятельность органов самоуправления под свой жесткий контроль. Однако, в отличие от многих других территорий Московской Руси, в Перми Великой институт наместников не был ликвидирован. Это было связано как с пограничным положением края, так и с последующей экономической разрухой, в которой оказалась страна в результате опричного террора и затяжной Ливонской войны.

Во второй главе – «Провинциальное управление в Приуралье и Зауралье в конце XVI – начале XVII в.» – изучены процессы формирования новой (воеводской) административной системы, показано соотношение между приказным и земским началами накануне и во время Смуты.

Первый параграф «Утверждение системы воеводского управления» посвящен про-

блеме присоединения «закаменных» территорий к Московскому государству и введению по обе стороны от Уральского хребта приказного управления. Появление городских воевод являлось процессом эволюционным, обусловленным всем ходом социально-политического развития страны во второй половине XVI в. В первую очередь, это происходило на беспокойных окраинах государства, имеющих, к тому же, значительное инородческое население. Включение Сибири в состав Русского государства существенно отличалось от ситуации вокруг Перми Великой в начале XVI в. В крае существовали враждебные государственные образования, проживали слабо подверженные влиянию со стороны Православия и славянской культуры коренные народы. Поэтому Москва при продвижении вглубь региона придерживалась четко продуманного плана и с самого начала пошла на установление здесь жесткой, военизированной власти. Однако при всей специфике местных условий, воеводская система управления формировалась на тех же принципах и имела аналогичные основные функции, что и в европейской части страны. Фактически синхронно (в промежутке между 1582 и 1592 г.), в силу схожих условий, становление новых административных порядков происходило и в Верхнем Прикамье.

Возникновение городских воевод означало переход системы провинциального управления на качественно новый уровень централизации. В отличие от наместников, их цель состояла не в возможности покормиться, а в том, чтобы управлять. Они были поставлены под более пристальный контроль со стороны правительства, переведены (хотя и частично) на гособеспечение, опирались не на зависимых от них людей, а на бюрократический аппарат. К тому же в Сибири, как, вероятно, и в Перми Великой, правительство стало прибегать к отбору кадров на управленческие посты.

Второй параграф «Воеводский аппарат власти» посвящен характеристике системы местного управления в Приуралье и Зауралье. Уровень централизации и бюрократизации системы провинциального управления на Урале, как и во всей России, в конце XVI – начале XVII в. оставался довольно слабым. В условиях пестрого административно-территориального устройства отличались малочисленностью кадры съезжих изб, отсутствовали устойчивые и однообразные формуляры официальной документации, не было определенной системы в комплектовании приказного аппарата, четких сроков деятельности воевод и их «товарищей», сложенной иерархической соподчиненности между различными должностными лицами, которые, к тому же, далеко не всегда неукоснительно выполняли правительственные предписания. Оставалась разнообразной и система окладного жалованья подьяческих кадров съезжих изб, шла в противоречие с бюрократическими принципами также практика назначения на приказные должности по принципу родства и знакомства. Особенно заметно это проявилось в Перми Великой, где до введения института воевод в Соликамске и Кайгородке на уровне общеуездном,

а после – и волостном, выполнение государственных функций всецело возлагалось на мирские организации, а состав съезжих изб был выборным. Иная ситуация наблюдалась в Сибири, в которой заметна более целенаправленная (по сравнению с другими областями страны) правительственная политика по утверждению новых, свойственных более высокому уровню централизации черт. Именно здесь приказное начало, не отягощенное административным грузом предшествующей эпохи, сложилось в наиболее чистом виде, и впервые апробировались новые управленческие формы с элементами иерархии (разряды), прослеживалась более четкая соподчиненность на всех уровнях (разряд – уезд – волость), а служба уездных администраторов отличалась большей упорядоченностью.

Третий параграф «Власть и общество в начале XVII века» раскрывает характер взаимоотношений между государством и «землей» в годы Смуты. Земская реформа усилила значение органов самоуправления на территории Урала, сделав их автономной и равноправной формой местной власти по отношению к другим ее видам. Особенно это было характерным для Перми Великой, где мирские традиции оказались более прочными, а процессы бюрократизации и централизации аппарата управления оставались менее развитыми. В крае доминировали районы черносошного землевладения, а общинная организация пронизывала все уровни административно-территориальной структуры (от волостного до всеуездного). Несколько иная ситуация наблюдалась в Сибири. Наряду с посадскими и крестьянскими «мирами» здесь существовала сословно-корпоративная организация служилых людей – «войско». Однако, несмотря на господство системы государственного феодализма, роль и значение уральских общин ввиду сильного приказного начала оставались слабее.

С конца XVI в. Москва все отчетливее проявляла раздражение по отношению к «мирам», на которые всецело не могла положиться в вопросах фискально-полицейского характера. События Смуты временно приостановили процесс их дальнейшего подчинения государству. Более того, имеются все основания утверждать, что в Перми Великой подлинными хозяевами края являлись «миры». Иная ситуация наблюдалась в Сибири. В силу отдаленности от основных эпицентров гражданской войны непрочность центральной власти чувствовалась здесь слабее. Более развитая централизация и бюрократизация системы управления, зависимость от хлебных поставок и общая угроза восстания коренного населения сплачивали власть и общество, не позволяя последнему возвыситься над первым. Именно «за Камнем» с особенной очевидностью проявилась роль воеводской администрации как проводника правительственной политики, так и гаранта территориальной целостности государства: проводимые ей трезвые и продуманные мероприятия позволили закрепить край за Россией и не допустить масштабного выступления ясачных инородцев.

В третьей главе – «Система местного управления на Урале в 1613 г. – середине

XVII в.» – показаны изменения, происходившие во взаимоотношениях между властью и обществом после Смутного времени.

Первый параграф «Усиление централизации и бюрократизации системы местного управления» посвящен анализу деятельности провинциальной администрации, выяснению степени широты и самостоятельности ее полномочий, изучению вопроса о становлении самодержавных порядков на местном уровне. Для преодоления последствий гражданской войны Москва могла положиться только на послушных и зависимых от нее исполнителей. Поэтому в начале XVII в. приказная система управления становится основным и повсеместным звеном правительственной власти на местах. Отмеченная выше тенденция, а также прогрессирующий упадок Чердыни привели к появлению в 1613 г. в Соликамске и Кайгородке самостоятельных администраторов. На протяжении последующего времени происходила постепенная трансформация государственного строя России в сторону самодержавия. На местном уровне это проявилось в дальнейшей централизации и бюрократизации системы управления, которые нашли свое отражение не только в распространении воеводской администрации на основную часть страны, но также в увеличении и расширении объема ее полномочий. Конечно, с целью пресечения злоупотреблений, в ряде случаев правительство шло на некоторое ограничение компетенции приказных дельцов. Однако подобные меры чаще всего носили локальный и кратковременный характер. К тому же при постановке вопроса об оформлении самодержавия на местном уровне правильнее было бы говорить об укреплении позиций центра вообще, что обнаруживалось не только в усилении воеводской власти и одновременном установлении более жесткого над ней контроля центра, но и в превращении мирской организации в низовое звено госаппарата (в том числе за счет предоставления ей новых полномочий). При этом компетенция уральских воевод охватывала все стороны местной жизни и, в отличие от их коллег по Европейской России, отличалась значительной степенью широты и самостоятельности. Причем в большей степени это было характерным (в силу отдаленности и экстремальных условий) именно для Сибири.

В первой половине XVII в. происходила дальнейшая бюрократизация системы местного управления. В первые десятилетия после Смуты приобрела более четкие и однообразные сроки деятельность воеводского аппарата, предпринимались меры по упорядочению системы комплектования приказных кадров, а денежное жалование начинало играть все более значительную роль не только для чиновников, но и для мелко- и среднепоместного дворянства, ужесточались требования к составлению документации, осуществлялись шаги, нацеленные на дальнейшее оформление кадров профессиональной бюрократии и превращение их в замкнутую касту. Вдобавок правительством были предприняты робкие попытки преодолеть архаические черты административно-территориального устройства. Отмеченные выше процессы с

наибольшей силой проявились в Зауралье. Что касается Перми Великой, то здесь наметился переход к единообразной системе в комплектовании приказного аппарата, посредством ликвидации в 1646 г. процедуры найма и содержания на мирские средства подьячих съезжих изб. Тогда же была устранена существовавшая прежде в других уездах Европейской России пестрота подьяческих окладов за счет введения общих размеров жалования, средства на которые шли из местных неокладных доходов.

Второй параграф «Власть и общество в первой половине XVII в.» раскрывает характер взаимоотношений между мирскими организациями края и формирующейся самодержавной властью.

Уже в первой половине XVII в. прослеживается довольно отчетливая правительственная линия, направленная на подавление автономии и самостоятельности общин и их превращение в низовое звено госаппарата. В первую очередь, это проявилось в попытках ограничить права «войска», посадских и крестьянских «миров» (возможности передвижения, совершения земельных сделок, наступление на экономические привилегии), а также наделить старост и целовальников дополнительными казенными полномочиями, шедшими вразрез с интересами населения. Выполнение же последних все более отрывало мирских должностных лиц от рядовых общинников, содействуя их сращиваемости с воеводским аппаратом и постепенному подчинению традиционных мирских ценностей интересам фиска.

В Сибири централизация и бюрократизация системы местного управления, а также зависимость тягловцев от государства, выражались сильнее. Здесь, в отличие от Перми Великой, на уровне отдельной волости имелись представители воеводской администрации. Однако приказчики (сменившие слободчиков), хотя и являлись правительственными чиновниками, тем не менее не могли не учитывать интересы тяглого населения, пренебрежение которыми приводило к самым плачевным последствиям. В своей деятельности они опирались на судебных дьячков, которых первоначально выбирали или нанимали тягловцы. Но уже в первой половине XVII в. происходила стойкая тенденция (нередко по инициативе тяготившихся лишними расходами слобожан) по их переводу на государственное обеспечение. Более того, в ряде случаев должность судебных и мирских дьячков совмещалась одним лицом, что свидетельствовало о дальнейшей бюрократизации общинных органов.

Помимо государственной политики, упадку мирской автономии способствовали сами же общинники, которые в случае споров, возникавших в первую очередь на почве несения тягла, неизменно обращались к правительству. Стремление же удешевить содержание местного аппарата власти подталкивало тягловцев к осознанному отказу от возможности непосредственного воздействия на систему провинциального управления.

Уже в первой половине XVII в. наблюдались, хотя и не столь отчетливые как впоследст-

вии, попытки государства вмешаться (особенно в Сибири) во внутреннюю жизнь общины посредством усиления контроля за выборами мирских должностных лиц и даже стремление заменить их назначением сверху.

Подавляли мирскую автономию и многочисленные злоупотребления администрации, особенно распространенные в уездах Приуралья и Сибири, ввиду их отдаленности от центра, а также наличия широких полномочий и самостоятельности у приказных дельцов края. В условиях, когда правительство далеко не всегда могло наказать по заслугам лихоимца-администратора, «миры» прибегали к различным, в том числе крайним формам сопротивления. Однако, несмотря на то, что открытые выступления расценивались Москвою в качестве «бунта», столица чаще всего применяла довольно мягкое по отношению к тяглецам наказание и немедленно сменяла неугодного им воеводу. Сам по себе правительственный курс на утверждение приказного начала на местах испытывал определенные отклонения, ярчайшим свидетельством чему является длительное сохранение за населением Зюоздинской волости судебно-податной автономии. Это, безусловно, свидетельствовало о том, что, несмотря на крепостнические процессы, «миры» Перми Великой и Зауралья в первой половине XVII в. все-таки продолжали сохранять вес и значение в системе местного управления краем, а государство вынуждено было учитывать их интересы. Тем не менее, в целом большинство правительственных уступок носило временный характер и не могло предотвратить дальнейшей трансформации государственного строя России в сторону самодержавной монархии.

В заключении изложены основные выводы исследования. Включение Перми Великой и Сибири в состав Русского государства проходило по общей для всех северо-восточных территорий схеме и осуществлялось в соответствии с четко продуманным планом в два этапа.

Установленная на Урале система местного управления, при всех региональных особенностях, соответствовала общерусскому образцу, развиваясь по пути централизации и относительно безболезненной интеграции региона в новый государственный организм. Несмотря на наличие мощной мирской организации и влиятельных иммунистов Строгановых, великопермские наместники обладали широкими полномочиями и не были ликвидированы в ходе земской реформы.

Вследствие во многом схожих условий (наличие инородческого населения и значительной военной угрозы), становление системы воеводского управления в Перми Великой и Зауралье происходило синхронно (1580-е – 1590-е гг.). Но поскольку Сибирь не знала груза административных преобразований предшествующей эпохи, именно здесь приказное начало сложилось в более чистом, чем в районах Центра и Поморья, виде.

Несмотря на неоспоримые достоинства, система местного управления на Урале, как и во всей России, в конце XVI – начале XVII в. имела серьезные недостатки, а уровень ее центра-

лизации и бюрократизации оставался слабым, что особенно заметно проявилось в Перми Великой. Иная ситуация складывалась в Сибири. Здесь заметна целенаправленная политика по утверждению свойственных более высокому уровню централизации черт.

Наибольшую силу земская организация приобрела в Перми Великой. Она пронизывала все уровни административно-территориальной системы региона, а установленный над ней правительственный контроль оставался довольно слабым.

Социально-экономический строй Зауралья был близок к Поморью (система государственного феодализма). Однако, в отличие от Верхнего Прикамья, здесь сформировалась сословно-корпоративная организация служилых людей («войско»), игравшая существенную роль в местной жизни. Близость приборного населения к посадским и крестьянам, специфика сибирских условий и происхождения основной массы переселенцев, а также способность «миров» к совместным действиям вынуждали правительство и воеводскую администрацию считаться с их потребностями и интересами, а в случае необходимости – обращаться к «земле» за поддержкой. В условиях более сильного приказного начала и отсутствия органов самоуправления на всеуездном уровне самостоятельность и сплоченность мирских организаций проявлялись здесь в меньшей степени, чем в Перми Великой.

В Сибири и Перми Великой происходили характерные для всей остальной страны процессы, выражавшиеся в постепенном утверждении самодержавных порядков. Возникновение городских воевод означало дальнейшее подавление и подчинение земских традиций нуждам государства. Однако Смута временно приостановила этот процесс. Ослабление центральной власти привело к тому, что в Перми Великой «миры» возвысились над властью, фактически целиком определяя позицию края по отношению к событиям в Центральной России. Иная ситуация сложилась в зауральских уездах, где наблюдалась большая консолидация власти и общества.

События Смуты окончательно предопределили победу в стране приказного начала. На протяжении последующих десятилетий происходило медленное и неуклонное становление самодержавных порядков. Это, с одной стороны, отразилось в укреплении на местах позиций центра, а, с другой, в прогрессирующей трансформации мирской организации в низовое звено госаппарата. В отличие от Сибири, несколько слабее данные процессы затронули Пермь Великую, в которой бюрократизация системы управления на уровне отдельной волости продолжала оставаться незначительной.

Усилению позиций правительства в провинции во многом способствовало предоставление должностным лицам «миров» дополнительных казенных полномочий. Да и у самого государства постепенно формировалось представление о старостах и целовальниках как собственных агентах. На это, в частности, указывают многочисленные попытки приказных властей

вмешаться в процедуру мирских выборов, а то и заменить их централизованным назначением. Все явственнее становилось также стремление государства ликвидировать традиционные права тяглого и служилого населения Приуралья и Сибири.

Подавление мирской автономии было связано не только с целенаправленной политикой Москвы, но и с многочисленными злоупотреблениями воеводской администрации. Способствовало этому и само население, которое ради сокращения расходов порою выступало инициатором замены процедуры выбора или найма того или иного должностного лица правительственным назначением, и, к тому же, активно апеллировало к власти в случае конфликтов внутри или между общинами. Что касается службы в земских органах, то сами тяглецы все чаще рассматривали ее в качестве государственной повинности, которой старались избежать.

Зауральские и великопермские «миры» отчаянно сопротивлялись бесцеремонному давлению их внутренней автономии. Активно используя как законные, так и нелегальные методы борьбы, они заметно сдерживали крепостнический курс государства, которое, не имея сил и средств, вынуждено было идти на определенные уступки. Отступления, впрочем, были недолгими, и довольно скоро рост самодержавных порядков возобновлялся с новой силой.

В приложении помещен хронологический перечень администраторов Перми Великой (начало XVI – середина XVII в.) и Зауралья (конец XVI – середина XVII в.).

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Семенов О.В. Появление постоянного пешего войска в России // Материалы XLI международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 121 – 123.

2. Семенов О.В. Ссылка Романовых на Средний Урал в начале XVII в. // Восьмые Романовские чтения. 15 – 16 июля 2003. Екатеринбург, 2004. С. 104 – 107.

3. Семенов О.В. «Изменное дело» Романовых и уральская ссылка Ивана и Василия Никитичей в начале XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 33 – 41.

4. Семенов О.В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского государственного университета. [№ 31]: Гуманитарные науки. [Вып. 7]. История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2004. С. 34 – 45.

5. Семенов О.В. К вопросу о появлении постоянного пешего войска в России // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории. Екатеринбург, 2004. С. 30 – 41.

6. Семенов О.В. К вопросу о месте и роли праведчиков в системе местного управления России (вторая половина XV – первая половина XVI в.) // ПИР. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Екатеринбург, 2005. С. 26 – 38.

7. Семенов О.В. К вопросу о военной угрозе для Верхотурского уезда в первые годы

Смуты // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов.
Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 3 – 13.

Подписано в печать	Формат 60 x 84 1/16	
Бумага типографская	Усл. печ. л. 1,5.	
Тираж.	Заказ №	Печать офсетная
Екатеринбург, К – 83, пр. Ленина, 51. Типлаборатория УрГУ.		